

чески лишены возможности защищать свои права в цифровой среде теми же способами, что и при обычном использовании таких объектов.

Появление новых международных соглашений показывает, что необходимо как применение действующего законодательства к новым реалиям, так и его совершенствование с целью учета на законодательном уровне специфики того комплекса отношений, который складывается при использовании мультимедийных продуктов в глобальной цифровой среде.

Новой тенденцией правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности выступает расширение сферы его действия за счет появления новых видов отношений, возникающих по поводу специфических объектов. Данные отношения должны быть урегулированы с помощью правовых институтов интеллектуальной собственности.

С этой целью необходимо развивать и совершенствовать легальные механизмы защиты новых отношений, в том числе и возникающих в связи с электронным бизнесом на основе интерактивных мультимедийных технологий; адаптировать сложившиеся в праве интеллектуальной собственности подходы к новым условиям.

Л и т е р а т у р а

1. Атанасов, С. Объекты интеллектуальной собственности в цифровой форме / С. Атанасов // Библиотека интернет-индустрии i2r.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.i2r.ru/static/504/out_23440.shtml. — Дата доступа: 16.11.2012.

2. Агеев, В.Н. Электронные издания учебного назначения: концепции, создание, использование: учеб. пособие / В.Н. Агеев, Ю.Г. Дреус. — М.: Моск. гос. ун-т печати, 2003. — 235 с.

3. Вернер, И. Все о мультимедиа / И. Вернер. — Киев: ВНУ, 1996. — 352 с.

4. Котенко, Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.С. Котенко; ФГБОУ ВПО «Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина». — М., 2012. — 26 с.

5. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З: принят Палатой представителей 27 апр. 2011 г.; одобр. Советом Респ. 28 апр. 2011 г. // Нац. реестр правовых актов. — 2011. — № 2/1813.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Полный текст (части первая вторая, третья и четвертая). — М.: Юркнига, 2007. — 500 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2012 г.

Л.П. Станишевская

кандидат исторических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УЧЕНИЯХ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Статья посвящена исследованию идеи народного суверенитета в учениях о праве и государстве. В ней анализируются развитие понятия «народный суверенитет», его содержание, причины появления тех или иных воззрений. Автор обращается к трудам М. Падуанского, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Э.-Ж. Сийеса, Ф. Гизо, Г. Еллинека и др.

The article is devoted to the idea of popular sovereignty in the teachings on the law and the State. It analyses the development of the concept of «popular sovereignty», its contents, the cause of those or other opinion. The author appeals to the translations by M. Padua, J. Locke, J.-J. Rousseau, A.-J. Sijesa, F. Guizot, G. Jellinek and others.

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической значимостью проблемных вопросов, связанных с историческим пониманием сущности и содержания народного суверенитета, а также ее безусловной практической необходимостью. В настоящее время проблемы суверенитета и различные подходы к его определению становятся предметом все более серьезных дискуссий. Сегодня теория государства и права нуждается в разработке новых методологических ориентиров познания суверенитета, в его концептуальном обеспечении.

Формирование современной концепции суверенитета и ее теоретическое оформление немислимо без органичного, целостного восприятия опыта, накопленного человеческой цивилизацией. В связи с этим представляется теоретически значимым и практически актуальным анализ генезиса народного суверенитета.

Свои истоки народный суверенитет обнаруживает уже в идеях права природы, закона, содержащихся в работах античных философов, а также в Кодексе Юстиниана, в котором, в частности, утверждалось: «Закон есть то, что римский народ постановил по предложению сенатского должностного лица, например, консула», когда же «римский народ достиг таких размеров, что сделалось трудным связывать его воедино для принятия закона, то справедливо решено было совещаться вместо народа с сенатом» [1, с. 19].

Известный русский государствовед Н.Н. Алексеев в своей работе «Идея государства» обращает внимание на то, что для Аристотеля идея суверенной власти, государственного суверенитета не нуждалась в особых доказательствах, была фактом, самым собою разумеющимся. Кто правит в государстве, тот и является высшей властью: «...раз народ владычествует в голосовании, он становится властелином государства» [2, с. 594]. Вместе с тем верховная власть может иметь различных носителей в государстве: она может находиться в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. По мнению Аристотеля, нет абсолютного превосходства, которое могло бы служить основанием для исключительного присвоения власти кому бы то ни было, и по идее, верховная власть должна принадлежать закону, основанному на разуме: «...там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем...» [2, с. 597]. Законодательная власть, согласно Аристотелю, — главная власть в государстве. Его взгляды использовались для обоснования уже в Новое время вывода о том, что народный суверенитет, непосредственным выражением которого является воля народа, воплощается в законах, направленных на достижение общего блага.

И тем не менее большинство исследователей придерживается мнения о том, что идея суверенитета была незнакома античному миру, ибо в те времена господствовал только один институт — государство. В связи с этим объективная потребность в концепции, обосновывающей монополию государства на обладание политической властью, отсутствовала.

По мнению известного русского государствоведа начала XX в. Ф.Ф. Кокошкина, «древние греки и римляне не могли и представить себе такого положения вещей, при котором государство не было бы высшим территориальным союзом, и понятие «суверенитета» было практически не нужно, так как государство не имело соперников. Было только соперничество отдельных государств между собой, но и оно исчезло, как только установилось всемирное владычество Рима» [3, с. 165]. Аналогичных взглядов придерживался немецкий юрист Г. Еллинек. Признавая существование в Риме идеи о том, что народ является источником всех публичных властей, Еллинек отмечает, что римские юристы ограничивались только констатацией этого факта и не говорили об объеме при-

надлежащей народу власти [4, с. 289]. По его мнению, понятие суверенитета появляется в Средние века в результате борьбы светских монархов с феодальными сеньорами, римским престолом и властью империи, вынужденными отстаивать свое право на существование, на свою самостоятельность, и не может быть понято вне связи с этой борьбой.

Средневековые характеризуются наличием двух типов организации общества: с одной стороны, это государство, а с другой — наднациональная римская церковь. В ходе борьбы были подняты вопросы об источнике власти и ее носителе. Часть средневековых мыслителей, принимая за аксиому слова апостола Павла о том, что всякая законная власть происходит от Бога, вместе с тем утверждала, что форма власти в отдельно взятой стране является созданием рук человеческих, т.е. определяется народом. На этой основе в дальнейшем возникает и развивается теория общественного договора.

Одним из первых идею договора короля с народом высказал Манегольд Лаутенбах в «Книге молитвенного стояния» (XI в.). Доминеканец Иоанн Парижский утверждал, что право выбора верховной власти — власти быть под Богом — остается за людьми. Всякая законная власть, по его мнению, имеет своим источником Бога-Творца, но власть монарха осуществляется благодаря тому, что его избирают люди. Если же король обманывает доверие подданных, то народ имеет право низложить его [5, с. 412, 413, 434].

Идея народного суверенитета в современном его понимании восходит к итальянскому политическому и правовому мыслителю XIV в. М. Падуанскому, выдвинувшему тезис о народе как источнике всякой власти. Развивая теорию светского самодостаточного государства, противостоящую абсолютистским притязаниям папской и имперской власти, он выдвинул концепцию народного суверенитета, объявляющую народ (*pars valentior*) источником политической власти и ее высшей инстанцией. Верховная законодательная власть должна принадлежать народу. Функция монарха исполнять волю законодателя. Марсилиус был сторонником выборности народом высшей исполнительной власти, называл выборную власть «...самым совершенным и превосходным из способов установления господства». Понимая, что люди не в состоянии сами писать и создавать законы, поручая это специалистам, М. Падуанский, тем не менее, высказывает поразительную для своего времени мысль о том, что народ в целом наделен здравым разумом, имеет направленную к благим целям волю и, следовательно, способен устанавливать наилучшие законы [6, с. 609]. По мнению Б.Н. Чичерина, доводы М. Падуанского заимствованы из положений Аристотеля, который служил неисчерпаемым источником для обоснования самых противоположных направлений и взглядов [7, с. 95, 97].

Францисканец У.Оккам также настаивал на том, что власть светского правителя прямо или косвенно берет начало в народе, и в случае злоупотребления народным доверием политическое сообщество имеет право на его смещение. Эта же идея в XVI в. обосновывается иезуитом Ф. Суаресом: «Высшая гражданская власть как таковая дается Богом непосредственно людям..., народу в целом или сообществу как социальному организму», королевская же власть и послушание, «которым ей обязаны, основаны на общественном договоре и, следовательно, не учреждены Богом, ибо человеческий договор заключается по воле человека» [8, с. 70—71].

Борьба духовной и светской властей в Европе привела к пониманию необходимости объединения общества под эгидой светской власти. И как следствие, выдвигаются требования светского характера государства, подчинения всех единому закону. Теория суверенитета в этот период склоняется к абсолютизму: государство независимо, и его власть должна быть абсолютной. Но уже вскоре суверенитет (в форме народного суверенитета) оказался направленным против абсолютизма. Буржуазия, стремясь к власти, восприняла принцип суверенитета, несмотря на его абсолютистское происхождение, наполнив его новым содержанием и придав ему новые формы [9, с. 14]. Идею суверенитета начали связывать с поиском альтернативной монарху властной силе, которой и стал на-

род. По справедливому замечанию В.В. Дворника, «в продолжение XVII—XIX вв. в Западной Европе шла борьба между народным представительством и королевской властью. Самой значительной идеей этой эпохи стала идея народного суверенитета, верховенства власти народа» [10, с. 40].

Постепенно принцип народного суверенитета как руководящая идея организации государства и власти получает признание и политико-правовое обоснование в европейской научной мысли Нового времени, основывающейся на учениях о естественном праве. Согласно естественно-правовым воззрениям лишь то государство является справедливым, а власть — законной, которое признано народом и имеет своим источником общественный договор. Поскольку все граждане равны друг другу, постольку каждый из них имеет одинаковое право на власть. Таким образом, право на власть, как следствие права на равенство, является прирожденным, естественным правом индивида.

Один из ярких представителей школы естественного права Дж. Локк в своей доктрине раскрывает теорию суверенитета, осуществляемого народом как в целом, так и посредством уполномоченных им представителей. Социальное равенство индивидов является логически необходимой предпосылкой демократической концепции народного суверенитета. По мнению Локка, только народ является полным носителем власти, он передает ей права, связанные с деятельностью правосудия, осуществлением исполнительных функций управления государством и отношений с другими государствами. При всякой организации власти за народом, в его неорганизованной форме, сохраняется непосредственное право верховного надзора — право восстания против тиранической власти, неугодной и враждебной народу [11]. Суверенитет не только изначально принадлежит народу, но и постоянно народ возобновляет этот договор и тем самым продлевает свои функции суверена на протяжении всей всемирной истории. Политическое учение Локка легло в основу доктрины народного суверенитета, возникшей в XVIII в.

Концептуальное выражение народа в качестве суверена связано с именем Ж.-Ж. Руссо, который впервые обосновал сущность данного понятия, показал его связь с государственным суверенитетом. Руссо определял суверенитет как единую неделимую неограниченную и неотчуждаемую власть над всеми членами общества. В политическом учении Руссо указанные характеристики суверенитета обретают новое содержание, а в концепции суверенитета появляется новый субъект — народ. Руссо называет суверена коллективным существом, образуемым из частных лиц. Суть народного суверенитета заключается в верховенстве народа в государстве. Государство создается договором суверенных индивидов, оно состоит из совокупности индивидов [12, с. 428]. Законодательная власть должна осуществляться непосредственно народом. Руссо отрицает народное представительство как орган верховной законодательной власти [12]. Поскольку единственным источником власти является общая воля, постольку единственной истинной формой проявления суверенитета является непосредственная форма демократии, основанная на плебисците, участники которого большинством голосов принимают законы. Руссо одним из первых уделяет внимание вопросу об условиях существования суверенитета, предпринимает попытку совместить понятие «суверенитет» и демократические идеи. В политическом учении Руссо идея о неправомерности разделения суверенитета выступает в качестве одного из условий осуществления непосредственной демократии. При этом в государстве одновременно существуют верховная законодательная власть и подчиненная ей правительственная, различные способы осуществления которой образуют различные формы правления. Понимая невозможность реализации идеи народного суверенитета в современных ему государствах, Руссо отмечает, что какой бы ни была затруднительной реализация этой идеи, только воплощенный в жизнь принцип народного суверенитета является единственным основанием для справедливых законов и правильной политики.

Теория Руссо о народном суверенитете неоднозначно трактовалась (вплоть до ее отрицания) теоретиками суверенитета. Но, несмотря на это, несомненно, его идеи оказали огромное влияние на политические учения и практику последующих столетий. Так, принцип народного суверенитета был провозглашен уже во времена Великой французской революции как один из основополагающих принципов организации государственной власти. В то же время революционная доктрина наполнила теорию Руссо новым содержанием: принципом представительства; понятием «суверенитет нации»; принципом неотчуждаемости естественных прав личности; положениями о необходимости защиты суверенитета и общей воли от узурпации власти лицами, ее осуществляющими; при этом юридически исключила из числа субъектов-носителей суверенитета большую часть населения государства.

Авторами «обновленной» теории народного суверенитета являлись Э.-Ж. Сийес, Ж.-П. Бриссо, Г. де Б. де Мабли, Ж.-П. Марат, М. Робеспьер и др. Так, Э.-Ж. Сийес — французский политический деятель (широко известный как аббат Сийес), излагая свое видение народного суверенитета [13], отмечал, что если, по мнению Руссо, общая воля и не может быть представлена, то нация как таковая может иметь своих представителей. В этом смысле речь нужно вести не о суверенитете народа, а о суверенитете нации, которая представляет собой не просто территориальное объединение, но и источник закона [13]. Эта идея была совершенно новаторской: ведь при Старом порядке речь могла идти только о представителях того или иного сословия, теперь же вставал вопрос о представительстве нации, т.е. народа в целом, вне его сословного разделения.

Ярыми противниками теории народного суверенитета являлись «доктринеры» — группа умеренных либералов эпохи Реставрации и Июльской монархии во Франции. Согласно теории доктринеров, единственными законными суверенами являются Разум и Справедливость. Суверенитет не может быть присвоен ни народом, ни правителем; суверенитет не существует ни как принцип, ни как цель политики. Таким образом, суверенитет в данной концепции представляет собой не власть, а некое моральное обязательство.

Признанный лидер доктринеров Ф. Гизо в работе «Политическая философия: о суверенитете» отмечает, что на заре общества суверенитетом обладал каждый индивид. Это было право сильного. В дальнейшем правление присвоило себе суверенитет — так возникла тирания. Право народа на бунт в этих условиях было законным и обоснованным. Произошла революция, отобравшая суверенитет у правителей. Но дальнейшие действия народа Гизо называет абсурдными: «Вместо того чтобы позволить суверенитету вернуться туда, где он располагается и откуда никто не сможет заставить его снизойти, люди попытались найти для суверенитета обладателя в этом мире» [14, с. 521]. «Я не верю ни в божественное право, ни в суверенитет народа, — заявляет он в работе «О правительстве Франции с момента Реставрации и о действующем министерстве». — Я вижу в этих понятиях лишь узурпацию власти при помощи силы. Я верю в суверенитет разума, справедливости, права — вот законный суверен, которого ищет мир и которого он будет искать всегда, ведь разум, истину, справедливость нигде нельзя найти полностью и непогрешимыми» [15, с. 175].

Французский правовед Эсмен, обращаясь к проблеме непосредственного участия народа в законодательстве, отмечает, что закон необходимо должен исходить от народа в том смысле, что суверенный народ один может создавать законы или доверять власть создавать их. Но неверно то, что закон необходимо и просто является прямым и непосредственным выражением общей воли, формулированным точным образом большинством граждан. Закон, прежде всего, есть норма справедливости и общего блага. И поэтому та система правления, которая, признавая народ постоянным источником всякой власти, сумеет наилучшим образом обеспечить принятие таких законов, будет, согласно Эсмену, наилучшей и наиболее законной. «Дает ли представительное правление более

чем прямое, шансов для получения законодательства справедливого, полезного, рационального?» — спрашивает Эсмен и отвечает: «Это не подлежит сомнению» [16, с. 196].

Проведенный анализ позволяет выделить следующее. Несмотря на то, что свои истоки народный суверенитет обнаруживает уже в идеях античных мыслителей и в римском праве, идея суверенитета была незнакома античному миру, где господствовал только один институт — государство. Понятие суверенитета появляется в Средние века в результате борьбы светских монархов с феодальными сеньорами, римским престолом и властью империи и не может быть понято вне связи с этой борьбой. Первые идеи о народном суверенитете нельзя назвать демократическими, поскольку они основаны на мировоззрении средневековья, а говоря о народе, мыслители имели в виду лишь его активную (привилегированную) часть. Идея народного суверенитета в современном его понимании восходит к М. Падуанскому, который выдвинул революционный для своего времени тезис о народе как источнике всякой власти. Свое признание и политико-правовое обоснование принцип народного суверенитета как руководящая идея организации государства и власти получает в Новое время, он основывается на естественно-правовых учениях. Концептуальное выражение народа в качестве суверена связано с именем Ж.-Ж. Руссо, впервые обосновавшего сущность данного понятия, указавшего на его связь с государственным суверенитетом. Принцип народного суверенитета был провозглашен во времена Великой французской революции как один из основополагающих принципов организации государственной власти. Можно согласиться с Эсменом, утверждавшим, что народный суверенитет «отвечает коренящимся в глубине человеческой души инстинктам справедливости и равенства».

Л и т е р а т у р а

1. Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. — М.: Зерцало, 1998. — 400 с.
2. Аристотель. Афинская полития // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 864 с.
3. Кокошкин, Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокошкин. — М.: Изд-во Зерцало, 2004. — 260 с.
4. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. — СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1903. — 599 с.
5. Коплстон, Ф. История философии. Средние века / Ф. Коплстон. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 494 с.
6. Падуанский, М. Защитник мира / М. Падуанский // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. — М.: Мысль, 1999. — Т. II. — С. 604—610.
7. Чичерин, Б.Н. Политические мыслители Древнего и Нового мира / Б.Н. Чичерин. — СПб.: Лань, 1999. — 336 с.
8. де Лобье, П. Три града. Социальное учение христианства / П. де Лобье. — СПб.: Алетейя, 2000. — 412 с.
9. Левин, И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 373 с.
10. Дворник, В.В. Народное представительство: понятие, структура, функции / В.В. Дворник // Философия права. — 2004. — №2. — С. 40.
11. Локк, Дж. Два трактата о государственном правлении / Дж. Локк // Антология мировой политической мысли: в 5 т. — М.: Мысль, 1997. — Т. I. — С. 359—366.
12. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Антология мировой политической мысли: в 5 т. — М.: Мысль, 1997. — Т. I. — С. 427—438.

13. *Аббат Сийес*. От Бурбонов к Бонапарту / сост., пер., вступ.ст. М.Б. Певзнера. — СПб.: Алетейя, 2003. — 167 с.
14. *Гизо, Ф.* Политическая философия: о суверенитете: пер. с фр. / Ф. Гизо // Классический французский либерализм: сб. — М.: РОССПЭН, 2000. — 591 с.
15. *Крашенинникова, Ю.А.* Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо / Ю.А. Крашенинникова // Полис. — 2002. — №3. — С. 163—175.
16. *Эсмен, А.* Общие основания конституционного права: пер. с фр. / А. Эсмен; под ред. В. Дерюжинского. — СПб., 1898. — 196 с.

Статья поступила в редакцию 20.12.2012 г.

В.Г. Тихиня

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

Т.С. Таранова

кандидат юридических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

ЮРИСДИКЦИЯ СУДА В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Актуальность проблем международного гражданского процесса связана с тем, что он представляет собой одно из наиболее сложных, широко распространенных в последнее время, но одновременно с этим мало исследованных феноменов права. В статье авторы концентрируют внимание на применении терминов, связанных с подсудностью дел в международном гражданском процессе. Данный вопрос еще не получил достаточного освещения в юридической литературе, что обуславливает новизну и актуальность его разработки.

The importance of the problems of the International civil procedure is connected with that that it is one of the most difficult, widespread in last period of time, and simultaneously is the investigated phenomena of law. Authors in the article concentrates attention to application of the terms connected with jurisdiction in the international civil procedure. This issue has not received sufficient explanation in the legal literature that causes the novelty and importance of its elaboration.

Одна из задач, которая должна была быть решена при разработке проблем международного гражданского процесса (далее — МГП), состоит в обеспечении определенности используемых в данной сфере терминов и понятий. Важность решения данной задачи обусловлена отсутствием единой теоретической линии в определении терминов и понятий наряду с использованием их в научном и практическом обороте. Правильно указывает О.И. Крассов, что юридическое понятие должно иметь точный и определенный смысл, должно быть однозначным. В правовом понятии обычно должны отражаться признаки предмета, составляющие содержание понятия. Основная функция понятия заключается в отражении сущности предмета, и не только правовой, но и в значительной мере реальной [1].

При определении новых терминов и использовании их в законодательстве необходимо учитывать не только сложившийся в отечественной юридической науке понятийный аппарат, но и международный опыт в сфере МГП, а также положительный опыт и практику иностранных государств. Необходимо отметить, что определение и понятия самого МГП представляет определенные трудности, поскольку не только в законодательстве